

Голова

Палкин вошёл и поставил сумку на стол. Сумку большую, из поддельной кожи, якобы спортивную, то ли зелёную, то ли синюю, но скорее коричневую. Поставил в центр стола, опрокинув полупустую бутылку. Я едва успел убрать тарелку с куском сельди, обглоданными селёдочными хребтами и лужицей липкого масла, в котором обычно продаётся селёдка, если не покупать её на развес.

Я. Палкин!

Палкин промолчал и вылупился на меня так, словно только что проснулся и что-то такое про себя понял.

Я. Ну чего как свинья? Отодвинул хотя бы.

Я освободил место на столе, убрав лишнее – то есть, буквально всё. Мы с Пуховым, дожидаясь Палкина и так и не дождавшись, всё съели и выпили, осталось разве что собаке, взрослого человека не накормить.

Я. Мы ждали, ждали. Пухов, видишь, уже домой пошёл.

ПАЛКИН. Да пошёл он вообще, этот Пухов.

Я. Саш, ну ты чего?

Палкин посмотрел на меня заговорщически.

ПАЛКИН. Знаешь, я очень не люблю, когда говорят: «тут такое!»... Но тут, реально, такое!

Я. Какое?

ПАЛКИН. В сумке.

Я. Что там?

ПАЛКИН. Я боюсь тебе показывать. Как бы ты на стену не полез.

Я. Стена слишком вертикальная, Саш. Я соскользну.

ПАЛКИН. А может и не соскользнёшь. Тут такое!

Палкин последние слова почти что выкрикнул, а потом перешёл на шёпот.

ПАЛКИН. Тут такое... Я думал, у меня того. Впрочем, до сих пор думаю.

Он посмотрел на меня страдальчески и даже пустил слезу.

ПАЛКИН. Костя. Может, мне в дурку?

Я. Да откуда ж я знаю?

ПАЛКИН. Ты это, наготове держи что-нибудь.

Я. Да что хоть?!

ПАЛКИН. Телефон. Ну или биту.

Я. Какую биту? Я что, по-твоему, в бейсбол играю? В хоккей разве что в детстве гонял.

ПАЛКИН. Ключка есть?

Я. На балконе... кажется. Поломанная.

ПАЛКИН. Тащи.

Я сходил на балкон за клюшкой.

Я. Ну, у неё крюк отломан, считай, что палка осталась.

ПАЛКИН. Да фиг с ним, с крючком. Главное, что дубина есть.

Я. Это называется черенок.

ПАЛКИН. Плевать.

Палкин помялся, пожевал губами, посмотрел на сумку на столе.

ПАЛКИН. Ты, главное, если что вдруг не так, сразу меня этим черенком гаси, а после в дурку звони. Телефон под рукой?

Я вынул из кармана смартфон.

Я. А как звонить-то туда? Я не звонил ни разу. Не надо было.

ПАЛКИН. Ща.

Он почухал затылок.

ПАЛКИН. Кароч. Звони тупо в 103.

Я. Ну лады.

Палкин набрал воздуха в грудь, подержал немного и с шумом выдохнул.

ПАЛКИН. Возьми дубину поудобнее, а то слишком расслабленно держишь.

Я. Это черенок.

ПАЛКИН. Хорошо, черенок, мамкин ты хоккеист.

Я перехватил то, что осталось от клюшки, поудобнее и встал так, словно собирался по-самурайски рубить голову Палкину.

ПАЛКИН. Готов?

Я. Ну да.

Палкин коротко вздохнул.

ПАЛКИН. Тогда поехали.

Он наклонился над сумкой, вжикнул молнией, погрузил в сумку руки и бережно вынул оттуда что-то, что я сначала принял за поросший чёрными волосами кочан капусты. И торжественно протянул мне.

Руки мои выронили клюшку. В ладонях Палкина уютно покоилась человеческая голова и смотрела на меня, изредка сонно мигая.

Я показал пальцем, открыл рот, произвёл какой-то звук, закрыл рот. Голова улыбнулась уголком рта.

ПАЛКИН. Ты видишь то же, что и я?

Я. Что это?

ПАЛКИН. Ты мне ответь: ты видишь то же, что и я?

Я. Ну... наверное.

ПАЛКИН. Что ты видишь?

Я. Голову.

ПАЛКИН. Мёртвую?

Я. Не похоже. Она мигает. И улыбается.

Я посмотрел на Палкина. Тот стоял, протягивая мне волосатый кочан с лицом, и глупо улыбался.

Я. Послушай. Это, конечно, смешная шутка. И я даже на минуту купился.

ПАЛКИН. В смысле?

Я. Это игрушка.

Улыбка сползла с лица Палкина.

ПАЛКИН. Ты - идиот?

Я. Ну я же вижу, что это какая-то дорогая фигня из магазина приколов.

ПАЛКИН. Скажи мне, Костя, ты - идиот?

Я. Саша! Это штука для розыгрышей! Ты чего?

ПАЛКИН. А, ты так, да? Ну хорошо!

Я. Да что хорошо! Она даже не очень аккуратно сделана, вот посмотри!

Я ткнул голове, лежащей в ладонях Палкина, в лицо, под левый глаз. Голова поморщилась, из глаза выкатилась слеза. Кожа под глазом была тёплой и совершенно обычной человеческой на ощупь.

ПАЛКИН. Ты чё делаешь? А если тебе так тыкнуть? Больно же!

Я. Да ну. Японская какая-то приبلуда... кожа из подогретого силикона... Ну и слёзы... они...

Я запнулся и скрестил руки на груди.

Я. Обычная игрушка.

ПАЛКИН. Уверен?

Я кивнул.

Палкин молча смотрел на меня, как мать на сына, потерявшего по дороге из школы сменку – и уже не в первый раз.

ПАЛКИН. Люблю тебя, друг. Но иногда ты бываешь...

Палкин горько запнулся.

Я. Ну каким? Тупым?

ПАЛКИН. Я хотел сказать как-нибудь хуже, но на ум не идёт.

Я. Ладно. Пусть я буду просто тупым.

Мы постояли чуток, разглядывая голову в руках Палкина.

Я. Да что ты держишь её, как каравай какой? Давай положим её хоть куда-нибудь.

Палкин кивнул. Я убрал со стола всё лишнее, нашёл в ванной чистое, пухлое полотенце и постелил на стол. Палкин бережно уложил голову на полотенце.

Минуту мы стояли, согнувшись, и смотрели в глаза голове. Голова слабо улыбалась и изредка нам подмигивала.

У меня заболела спина.

Я. Слушай, что мы как эти. Давай сядем на стулья хотя бы.

ПАЛКИН. Давай.

Мы сели, не отрывая взглядов от головы.

Я. Может, Пухова позовём?

ПАЛКИН. Тебе нас двоих мало?

Я пожал плечами.

ПАЛКИН. Я, понимаешь, с ним таким (!) поделился, а он Пухова звать хочет. Я тебе единственному доверился вообще, а ты – Пухова! Да кто он такой вообще, этот Пухов?

Я пожал плечами.

Я. Друг. С детского сада ещё.

ПАЛКИН. Это что, критерий?

Я. Ну...

ПАЛКИН. Пошёл он, этот Пухов. Вообще не понимаю, зачем ты с ним возишься до сих пор?

Я. Ну а что я ему скажу? «Я больше не дружу с тобой, Пухов»?

ПАЛКИН. Во! Так и надо сказать.

Я. Ты его плохо знаешь. Он, в принципе, человек неплохой.

ПАЛКИН. Да дерьмовый!

Я. Это ты так считаешь. Я-то его лучше знаю.

Голова заулыбалась, зажмурившись.

ПАЛКИН. Вон, смотри, даже оно смеётся над твоей идеей позвать Пухова.

Я. Оно, может, просто так смеётся. Мы же не знаем, что там у него... ну, внутри.

ПАЛКИН. А придёт твой Пухов и, зуб даю, полезет ножом курочить.

Я. Оставь уже в покое Пухова! Не буду я его звать.

ПАЛКИН. Вот и правильно.

Мы помолчали, глядя в довольное лицо на пьедестале из полотенца.

ПАЛКИН. Если ты до сих пор не в курсе, то это Пухов тогда тебе клей в портфель налил.

Я. Я в курсе.

Палкин посмотрел на меня так, словно я только что вылупился на свет.

Я. Как там говорится? «Мы были детьми».

ПАЛКИН. И соплями тебе стул вымазывал.

Я. А я ему ящик почтовый сжёг. И что теперь?

ПАЛКИН. Всё равно он мудака.

Голова наморщила нос.

Я. Где ты вообще это взял?

Палкин глумливо улыбнулся.

ПАЛКИН. В метро под скамейкой.

Я. Просто так валялась?

ПАЛКИН. Просто так валялась. Я сначала подумал, что это кто-то шапку потерял.

Я. И зачем ты это подобрал? А вдруг оно заразное?

ПАЛКИН. Потому что это голова, Костя! Живая голова без всего остального тела! Ты такое видел вообще когда-нибудь?

Я. В детстве кино какое-то... что-то там... про профессора.

ПАЛКИН. Не в кино! Не через экранчик!

Я. Нет.

ПАЛКИН. И я – нет. Поэтому и подумал, что всё – нет больше нормального Саши Палкина!

Я. А взял-то зачем? Валялась бы себе.

ПАЛКИН. Вот ты правда не понимаешь?

Я. Кто-то забыл, наверное.

ПАЛКИН. Голову? Живую? Без тела? Которая моргает, открывает рот, улыбается?

Я пожал плечами.

ПАЛКИН. Теперь, благодаря тебе, я понимаю, что это не галлюцинация. Теперь я не сомневаюсь, что голова всамделишная, а не мой глюк. А то были, были поползновения... Вот, думаю, тебе и трип, только пойми попробуй с чего – а я как стекло чистый, я даже пива не пил!

Я. А вдруг придёт Пухов и скажет, что мы оба с тобой шизики, а это просто чужая шапка с пуговицами вместо глаз?

Палкин посмотрел на меня, поджав губы.

ПАЛКИН. Я тебя сейчас ударю за Пухова.

Я. Я шучу.

Мы посмотрели на голову. Голова внимательно смотрела на нас.

Я. И как ты её из метро вынес?

ПАЛКИН. Да просто под курткой. Не за волосы же тащил. Дома вот сумку нашёл – и к тебе.

Я. Чтобы убедиться, что ты...?

ПАЛКИН. Не поехал кукухой.

Я налил себе в кружку из крана воды и сделал пару глотков, не отрывая взгляда от головы.

Я. Ладно. Предположим. Не понимаю только, почему она до сих пор жива. У неё там, где шея... ну...

Я показал на себе.

ПАЛКИН. Там гладко. Кожа. Никакого разреза.

Я. Интересно. Интересно.

Я походил вокруг головы. Голова следила за мной глазами, насколько могла.

ПАЛКИН. Мягко говоря.

Я завершил свой круг вокруг головы, стал напротив её лица, всё ещё держа в руке кружку, наклонился и заглянул в обычные карие глаза.

Я. Эй! Тебя как зовут-то?

Голова не ответила, только улыбнулась.

ПАЛКИН. Как она тебе ответит, дурень ты? У неё же лёгких нет!

Я повернулся к Палкину.

Я. А это как-то влияет?

Палкин покрутил пальцем у виска.

ПАЛКИН. Про воздух, через голосовые связки проходящий, слышал что-нибудь?

Я. Ну. Да. Что-то.

ПАЛКИН. Вот и не тупи.

Я наклонился к голове ещё ниже.

Я. Это определённо мужик.

ПАЛКИН. Ты – гений.

Я. Твой сарказм не уместен.

ПАЛКИН. Мой сарказм всегда уместен.

Я выпрямился и посмотрел на Палкина.

Я. Что оно...

ПАЛКИН. Он.

Я. Ладно, он. Что он вообще умеет?

Палкин пожал плечами.

ПАЛКИН. А я знаю? Я что, эксперименты проводил какие?

Я. Ну, например, мы знаем, что говорить ртом оно точно не умеет.

Голова подмигнула левым глазом и улыбнулась.

Я. Оно издевается, что ли?

Голова подмигнула правым глазом. Палкин почесал подбородок.

ПАЛКИН. погоди.

Палкин повернулся к голове.

ПАЛКИН. Ты умеешь разговаривать?

Голова скорчила недовольную мину.

Я. Оно тупо дурачится.

Палкин махнул на меня рукой.

ПАЛКИН. Нет, погоди.

Я пожал плечами и сел на стул.

Я. Если это вообще не игрушка, конечно.

ПАЛКИН. Да помолчи ты ради бога! Скептик сраный! Голова - живая!

Палкин повернулся к голове.

ПАЛКИН. Ты живая?

Голова подмигнула левым глазом.

ПАЛКИН. Или ты игрушка?

Голова подмигнула правым глазом. Палкин, весь дрожа, повернулся ко мне.

ПАЛКИН. Ты понимаешь, дурак? Она отвечает! Голова отвечает!

Он повернулся к голове.

ПАЛКИН. Левый глаз - это да?

Голова подмигнула левым глазом.

ПАЛКИН. А правый - нет?

Голова подмигнула левым глазом. Палкин повернулся ко мне, тряся кулаками.

ПАЛКИН. Игрушка, говоришь? Игрушка?

Я пожал плечами, не зная, что сказать.

ПАЛКИН. Это голова, болван! Живая, настоящая голова!

Я. Да. Только без тела. А так не бывает.

ПАЛКИН. Да мне как бы плевать, как бывает!

Я. Ты только что в дурку боялся загреметь. Я только что черенком от клюшки должен был тебя бить, если что-то пойдёт не так. Хотя я до сих пор так и не понял, что именно... и зачем бить.

Палкин посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

ПАЛКИН. Ты чёрствый, Костя. Ты сраный сухарь без изюма, такой, знаешь, самый последний на дне пакета - маленький и... Ай.

Палкин махнул рукой.

ПАЛКИН. Я принёс тебе чудо, чтобы поделиться им с тобой. Не с Пуховым и не с кем-то ещё, кто кроме «Форсажа» и пива ничего не понимает. А ты...

Я. А я просто пока не могу поверить. Я очень рациональный.

ПАЛКИН. Вот зачем тебе Пухов!

Я. Да отстань ты от этого Пухова.

ПАЛКИН. Пухов даже не тупой, он элементарный до одноклеточности!

Я. Ну, значит, и я такой.

ПАЛКИН. Ну нет же, Костя! Ну нет! Ну это же ты научил меня фантастику читать и видео на ютубе про всякий космос смотреть! Ты увлекающийся, а я за тобой увлекаюсь!

Я. Я обычный.

ПАЛКИН. Обычный он, ага...

Палкин походил кругами по комнате, остановился, посмотрел немного в пол, после подошёл к голове.

ПАЛКИН. Вот скажи, голова. Пухов ему нужен для чего?

Голова с недоумением поджала губы.

ПАЛКИН. Для того, чтобы самому себе не казаться слишком сложным, ведь так?

Голова подмигнула левым глазом. Палкин, победно улыбаясь, уставился на меня.

ПАЛКИН. Этот Пухов, земля ему пухом...

Я. Не говори так, это оскорбительно.

ПАЛКИН. Этот Пухов! Земля ему пухом! Просто самый обыкновенный твой заземлитель! Разве я не прав?

Палкин повернулся к голове.

ПАЛКИН. Прав, голова?

Голова подмигнула левым глазом. Я схватился за черенок клюшки и чуть было не врезал по этой голове, но Палкин вовремя стрёб меня в охапку и откинул на диван.

ПАЛКИН. Ты чего, двинулся?

Я. Саша!

Я заорал.

Я. Саша! Прекрати меня разыгрывать! Убери свою адскую машинку! Шутка затянулась!

Я вскочил с дивана и бросился на Палкина.

Я. Где пульт? Где пульт, собака ты? Отдай пульт!

Я разорвал на Палкине куртку и подбил ему глаз.

Я. Я сейчас вышвырну эту дрянь в окно, если ты не прекратишь!

Палкин держал меня очень крепко и осматривал сверху вниз с какой-то очень взрослой грустью. Я продолжал трепыхаться. Палкин продолжал меня держать. Через пару минут я устал и повис в руках Палкина как жалкая тряпочка. Немножко поплакал.

Палкин усадил меня в кресло и встал между мной и головой.

ПАЛКИН. Неужели ты не понял..

Палкин говорил очень тихо и ласково.

ПАЛКИН. Неужели ты не понял, что это на самом деле?

Я пожал плечами.

Я. Мне всё равно.

ПАЛКИН. Один я сомневался. Но с тобой-то всё встало на свои места. Ты тоже её видишь. Я - не сумасшедший! Чудо - есть!

Я. А ты уверен, что я - не часть твоего психоза? А, Саш?

Палкин замер.

Я. На самом ли деле ты у меня дома? Вдруг ты на свалке, разговариваешь сам с собой, пытаешься убедить несуществующего меня, что вот этот гнилой кочан капусты - это живая..

Я запнулся.

Я. Это живая, волшебная голова?

Палкин долго молчал, внимательно меня рассматривая.

ПАЛКИН. Это не кочан капусты.

Я. Ну тогда это либо игрушка, либо эта штука попросту невозможна.

ПАЛКИН. А хорошо ли мы, Костя, знаем, что возможно, а что нет?

Я. Вот только не надо! Вот только не надо всего этого!

ПАЛКИН. Чего «этого»?

Я. Дешёвки из... как там эта газета называлась?

ПАЛКИН. Не понимаю, о чём ты.

Я. Всё ты понимаешь. Бога нет, загробной жизни нет, чудес не бывает. Точка.

ПАЛКИН. А это к чему вообще?

Я. К тому, что фантастика – это развлечение, гимнастика для мозгов. Вот и всё.

Палкин стоял некоторое время, после просиял.

ПАЛКИН. У меня идея.

Я. Ну?

ПАЛКИН. Давай спросим.

Я. У кого?

ПАЛКИН. У неё. У головы.

Я. А ты уверен, что она даёт исключительно правильные ответы?

ПАЛКИН. А мы по приколу.

Я вздохнул.

Я. Валяй. Балуйся со своим пультом.

ПАЛКИН. Какой же всё-таки кретин ты, Костя. Ну хочешь, я догола разденусь? Чтобы ты наконец поверил.

Я. А давай! И если слабо, то звоним Пухову.

Палкин посмотрел на меня испепеляюще, после снял куртку, рубашку, майку, штаны и остался стоять в трусах с носками. Я прощупал все возможные карманы в снятой одежде, но обнаружил только полупустую пачку с сигаретами, зажигалку, проездной на метро и полностью пустой кошелек. Никакого пульта и правда не было.

ПАЛКИН. Трусы снимать? А то может я в кустиках твой заветный пульт прячу?

Я махнул рукой, и Палкин облачился, оставив только разорванную куртку лежать на диване.

Мы повернулись к голове. Голова смотрела на нас внимательно, слегка смущённо улыбаясь.

ПАЛКИН. Ну что, кто первый?

Я. Я даже и не знаю, что спрашивать. Давай ты.

ПАЛКИН. Хорошо. Начнём с основного.

Палкин возбуждённо потёр ладони.

ПАЛКИН. Скажи-ка нам, голова. Бог – есть?

Голова подмигнула правым глазом. Палкин повернулся ко мне.

ПАЛКИН. Правый – это что?

Я. Правый – это «нет», насколько я запомнил.

ПАЛКИН. Мне запомнилось, что «да».

Я. А я вообще не помню, почему мы решили, что какой глаз означает.

ПАЛКИН. Голова! Если правый глаз – это «нет», то закрой оба глаза сразу.

Голова повиновалась и зажмурилась.

ПАЛКИН. Точно?

Голова зажмурилась ещё раз.

ПАЛКИН. Чёрт.

Голова улыбнулась как будто немного сочувственно.

ПАЛКИН. Так что получается... Бога нет?

Голова закрыла левый глаз.

ПАЛКИН. Ну ладно, пускай так. А загробная жизнь как? После смерти-то что?

Голова смотрела на Палкина и улыбалась.

Я. Ты конкретный вопрос задай, дурень. На «да» или «нет».

ПАЛКИН. Есть что-нибудь после смерти?

Голова нахмурилась.

Я. Она не знает.

ПАЛКИН. Ну про Бога она нам ответила.

Я. Откуда ты знаешь, что она нас не дурит? С чего ты вообще взял, что это некий оракул? Ты нашёл эту штуку в метро под скамейкой.

ПАЛКИН. И что из этого?

Я. Это мусор.

ПАЛКИН. Сам ты...

И Палкин повернулся к голове.

ПАЛКИН. Ты прибыла к нам с другой планеты?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. То есть, ты откуда?

Голова снова закрыла правый глаз.

Я. Мне кажется, она просто рандомно закрывает глаза и так развлекается.

Голова улыбнулась.

Я. Ну вот, видишь! Дурака валяет!

Голова, улыбаясь, закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Ага! Ага!

Я. Да что «ага»? Хочешь, я тебе тоже поморгаю?

ПАЛКИН. Какой ты всё-таки тухлый, Костя.

Я. Меня просто утомило это «чудо». Тем более до сих пор оно не сказало ничего полезного.

ПАЛКИН. Как же? А Бог? Его нет.

Я. Это я и так знаю и знал. Нет Бога и вообще ничего нет, кроме этой жизни.

Голова недовольно поморщилась.

Я. Или что-то есть?

Голова закрыла левый глаз.

ПАЛКИН. После смерти?

Голова скорчила неприятную гримасу.

ПАЛКИН. Ладно. Фиг с ним. Ты вот что скажи? Ты - чья-то?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. То есть, сама собственная?

Голова закрыла левый глаз.

Палкин повернулся ко мне.

ПАЛКИН. Вот видишь, она вполне самостоятельное существо.

Я. Только передвигаться самостоятельно не может.

Голова закрыла левый глаз.

Я. Паразит, короче.

Голова довольно улыбнулась.

Палкин посмотрел на меня как на червя, походил немного по комнате. Наконец обратился к голове.

ПАЛКИН. Ладно, фиг с ним с Богом. Ты мне про Сатану скажи. Сатана-то хоть есть?

Голова закрыла левый глаз. Палкин застыл с открытым ртом.

ПАЛКИН. То есть, как? Ты не перепутала?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Ещё раз. Сатана - есть?

Голова закрыла левый глаз.

ПАЛКИН. Бога – нет, Сатана – есть?

Голова закрыла левый глаз.

ПАЛКИН. Я ничего не понимаю.

Я. А я понимаю. Ты, как последний идиот, колупаешься в заскорузлых категориях, а мир, Саша, мир – куда сложнее! Какой Бог, какой Сатана? Что за детский сад? Выбирайся из песочницы и завязывай давай уже с куличиками!

Голова заулыбалась.

Я. Я сейчас возьму клюшку и разнесу эту хрень на куски как перезрелый арбуз, понимаешь?

Палкин встал между мной и головой.

ПАЛКИН. Она – моя! Найдёшь себе свою голову – делай с ней что хочешь.

Я. А я свою уже нашёл, Саша. Вот она.

И я постучал себя по лбу.

Я. Может, не самая лучшая, но моя. И я ею, извини меня, соображаю. А тебе нужна вторая, чтобы решать настолько детские вопросы, что...

Я махнул рукой. Палкин аж задохнулся.

ПАЛКИН. По-твоему получается, что вопросы мироустройства – детские? Те вопросы, которым задавались величайшие мыслители и вообще... Ты... Ты...

Я. Саша, ну какой Бог? Ну какой Сатана? Мы же с тобой взрослые люди.

Палкин помолчал. После повернулся к голове.

ПАЛКИН. Ладно. Скажи, голова... а есть ли смерть?

Голова закрыла правый глаз. Помедлила и закрыла левый.

ПАЛКИН. Ничего не понимаю.

Я. Ты задал идиотский вопрос.

ПАЛКИН. Почему?

Я. Ну вот если я сейчас тебя полосну ножом по горлу, что это будет?

ПАЛКИН. Нанесение тяжких телесных.

Я. И... после?

ПАЛКИН. И после, возможно, смерть.

Я. Так есть смерть?

ПАЛКИН. Голова говорит, что и да, и нет.

Я. А твоя собственная голова что говорит?

Палкин замолчал.

ПАЛКИН. Моя собственная голова в это не верит.

Я. Во что именно?

ПАЛКИН. В мою смерть...

Я. Проверять мы, конечно, не будем.

Палкин сокрушённо кивнул. Мы помолчали.

ПАЛКИН. Я вот что хочу спросить. Если Сатана есть, то что он такое? Но как спрашивать, если только «да» и «нет»?

Я. Методом исключений.

ПАЛКИН. Например?

Я повернулся к голове.

Я. Скажи-ка мне, голова. Сатана – это пучок петрушки?

Голова с улыбкой закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Так мы можем миллион лет перебирать.

Я. Не тупи, Саня. Смотри и учись.

Я улыбнулся голове, та улыбнулась в ответ.

Я. Сатана – это человек?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Сатана – это некий дух?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Сатана – это...

Я запнулся.

Я. Ладно. Сатана – это свет?

Голова закрыла левый глаз.

ПАЛКИН. Что? Это как?

Я. Как-то вот так.

ПАЛКИН. Я ничего не понял. Почему ты вообще так спросил?

Я. Знаешь ли, шалость.

Палкин замолчал, закрыв лицо руками.

Я. Ты до сих пор уверен, что эта штука отвечает не так, как ей заблагорассудится?

Палкин встрепенулся.

ПАЛКИН. Голова! Я скоро умру?

Голова посмотрела на Палкина с грустью и немного зло. И нехотя прикрыла левый глаз.

Я. Это тебе кукушка, что ли? Совсем с ума сошёл?

Палкин поник плечами и надолго замолчал.

ПАЛКИН. Мне кажется, от этой вещи исходит какая-то тёмная аура.

Я. Вот ты как заговорил.

ПАЛКИН. Мы обязаны её уничтожить.

Я. Ах вот оно что.

Голова безмятежно улыбалась. Палкин хмуро молчал, не глядя в её сторону.

Я. Идиот. Я тоже умру. И тоже скоро.

ПАЛКИН. Ты не понимаешь.

Я. Жизнь вообще короткая, как... секс, например.

ПАЛКИН. Какой ещё секс? Что ты мелешь?

Я. Ладно. Дурак. Смотри.

Я повернулся к голове.

Я. Скажи-ка мне, голова. Палкин умрёт завтра?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Через год?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Через десять лет?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Ну ладно, через сорок?

Голова закрыла правый глаз. Я повернулся к Палкину.

Я. Ну видишь ты, идиот. Даже не через сорок. Глубоким стариком деревянное пальто примеришь.

Палкин посмотрел на меня. Потом на голову.

ПАЛКИН. Голова. Я умру... сегодня?

Голова закрыла левый глаз. Палкин подскочил с места.

ПАЛКИН. Нельзя вопросы задавать, нельзя! Надо прекратить это немедленно! И выбросить... это.

Я. Ну давай я попробую, чтобы ты понял, что это просто рандомная чушь.

ПАЛКИН. Не смей!

Он бросился на меня, пытаюсь зажать мне рот, но я успел.

Я. Голова, я умру сегодня?

Ответа я не увидел, потому что Палкин повалил меня на пол и начал бить кулаками по лицу. Я почти не защищался. Наконец Палкин устал и слез с меня. Я сплюнул на пол горькую кровь.

Я. Кажется, зуб шатается.

Палкин встал и сел на диван, закрыв лицо окровавленными руками. Он долго молчал. А я лежал на полу, ощупывая стремительно распухающее лицо. Наконец Палкин заговорил.

ПАЛКИН. Зря я это сюда приташил. И зря вообще подобрал. Людям нельзя трогать такое.

Я. Это какое?

ПАЛКИН. Неправильное. Не для нас сделанное.

Я. Ты просто испугался обещанной тебе сегодня смерти. Которая не факт что будет. Слышал когда-нибудь про самоисполняющиеся пророчества?

ПАЛКИН. Нет.

Я. Эта башка может быть вообще чем угодно. С чего ты взял, что она говорит правду? Почему тебе не приходит на ум, что это, может, в принципе злая голова, которая над нами издевается ради собственного развлечения? Может, она таким образом кормится?

Палкин пожал плечами.

ПАЛКИН. Я не знаю. Выкинуть её?

Я. Давай вынесем на помойку.

ПАЛКИН. Но... как бы... она же живая.

Я. А ты уверен? Ты внутрь заглядывал?

Палкин помотал отрицательно головой. Потом встал, взял со стола грязный нож, подошёл к лежащей на полотенце голове и ткнул ножом в щёку под правым глазом. Из пореза не сразу, но потекла кровь. Голова сморщила лицо.

ПАЛКИН. Блин. Я не хотел.

Я. Больно, наверное.

ПАЛКИН. Чё делать теперь?

Я. Сейчас принесу аптечку.

Я сходил за аптечкой, обработал ранку и заклеил кусочком пластыря.

ПАЛКИН. Живая.

Я. Ну и чё.

ПАЛКИН. Как же теперь на помойку? Она ж это... человек.

Я. В каком месте она человек? Это просто голова. Которая даже не разговаривает. Её в принципе не может быть.

ПАЛКИН. Слушай. А если вернуть в метро под ту же скамейку?

Я. Это мысль. Только сделаешь ты это сам.

ПАЛКИН. Почему?

Я. Ты меня видел? Своё творчество на моём лице?

ПАЛКИН. А, это... Ты извини, Кость.

Я. Извиню, когда лечение мне оплатишь. Я как бы на больничный не собирался в ближайшее время.

ПАЛКИН. Просто голова эта... Я же говорю тебе, у неё тёмная аура. Я не разобрался сразу. Наверное, это она меня сама притянула.

Я. Знаешь, лет двадцать назад недалеко от моей работы продавались такие книжечки в мягких обложках – про чакры там, про энергетический вампиризм... ну и прочее в том же духе. Для таких лохов как ты.

ПАЛКИН. Ну ладно, не аура. Я не знаю, какое слово подобрать. В общем, это злая штуковина. И она на нас влияет.

Я. На нас влияешь ты и твоя... игрушка. Верни на место, и забудем.

В дверь позвонили.

Я. Ну кого ещё...

ПАЛКИН. Хочешь, я открою?

Я. Валяй. С такой рожей я... сам понимаешь.

Палкин вышел в коридор и через пару мгновений вернулся с Пуховым. Я тут же накрыл лежащую на столе голову краем полотенца.

Пухов был пьян, но выглядел виноватым.

ПУХОВ. Костян. Я где-то ключи посеял. Не могу домой попасть. Маринка так не пускает. Звонил, звонил... А чего у тебя, кстати, с лицом?

Я пожал плечами.

Я. Лучше бы у меня вообще не было никакого лица. С головой в придачу.

И я выразительно посмотрел на Палкина. Тот смутился и отвернулся.

ПУХОВ. А чё это тут у вас? В полотенце?

Пухов без затей протянул руку и развернул полотенце. Мы с Палкиным было рванулись его остановить, но не успели.

ПУХОВ. О. Башка. Откуда?

Мы с Палкиным промолчали.

ПУХОВ. Кого завалили? И зачем голову было отрезать?

Голова открыла глаза и посмотрела на Пухова. Потом ласково улыбнулась. Пухов вздрогнул, но тут же засмеялся, глядя то на меня, то на Палкина.

ПУХОВ. Это приколы такой, да? В столе – дырка, а там внизу чел сидит.

Мы с Палкиным кивнули.

ПУХОВ. Здорово придумано. Смешно.

Пухов потрепал голову за нос. Потом посмотрел на меня.

ПУХОВ. Так что с лицом-то?

ПАЛКИН. Да подрались. Всего-то.

ПУХОВ. Из-за водки?

Я. Конечно.

Пухов выудил из кармана бутылку.

ПУХОВ. А у меня вот.

И он улыбнулся, после по-хозяйски сел за стол, взял себе более-менее чистый стопарик, скрутил бутылке шею, наполнил стопарь и тут же опрокинул в себя. Посмотрел на голову, лежащую перед ним на полотенце.

ПУХОВ. Тебя-то как зовут хоть?

Я. Женя.

ПАЛКИН. Миша.

ПУХОВ. Так Женя или Миша?

Я. У него двойное имя – Евгений-Михаил.

Пухов посмотрел на меня, вылупившись.

ПУХОВ. Это такое бывает?

Я кивнул. Палкин кивнул вслед за мной. Голова улыбнулась.

ПУХОВ. Ну что, Женя-Миша? Пить-то будешь?

Голова улыбнулась. Пухов повернулся к нам.

ПУХОВ. Будет?

Мы кивнули.

ПУХОВ. Так пусть выбирается из-под стола, чё так-то сидеть, неудобно, наверное.

И Пухов заглянул под стол. Выпрямился, посмотрел на нас. После снова заглянул под стол. И снова – на нас.

ПУХОВ. Так а где... он?

Мы пожали плечами. Пухов залез под стол целиком и долго там ползал, шаря руками. Наконец выбрался, красный и потный.

ПУХОВ. Это что за фокус?

Я. Сложный. Пух, может, ты домой уже пойдёшь?

ПУХОВ. Я понять хочу.

ПАЛКИН. Не поймёшь.

ПУХОВ. А я хочу.

И выпил ещё стопарь.

ПУХОВ. Давай, Женя-Миша, фокусник ты этакий, за тебя.

Пухов налил себе и прямо из бутылки попытался напоить голову, которая с трудом открыла рот. Водка изо рта головы вытекла на полотенце.

ПУХОВ. Что ж ты так, Женя ты, Миша...

Тут Палкин подошёл к голове, взял её в руки и поднял над столом, держа бережно, как реликвию. Пухов закричал.

Я. Простой человек ты, Пух. И напугать тебя легко.

ПУХОВ. Что это?!

ПАЛКИН. Голова.

ПУХОВ. Но как? Она живая, что ли?

Я. Как видишь?

Пухов надолго замолчал с открытым ртом. Мы с Палкиным переглянулись.

Я. Ребёнок.

ПАЛКИН. Дитя.

Я. А голова, между прочим, Пух, на вопросы отвечает и судьбу предсказывает.

ПАЛКИН. Вот что бы ты хотел спросить?

ПУХОВ. Где ключи мои...

Я. Ну что ж, голова. Ключи Пуха в этой квартире?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Голова говорит, что нет.

Я. Голова! Ключи Пуха в этом доме?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Значит, Пух, где-то на улице ты их посеял.

Голова глумливо улыбнулась.

Я. Голова! Скажи-ка, а существует ли вообще сам по себе Пух? Или тоже потерялся?

Голова помедлила и закрыла правый глаз. Палкин, открыв рот, положил голову на прежнее место.

ПАЛКИН. Ну а я? Я-то хоть есть?

Голова закрыла правый глаз, уже не улыбаясь.

ПАЛКИН. Ну, значит, и Костян отсутствует...

Голова посмотрела на меня и подмигнула правым глазом.

ПУХОВ. И как это понимать?

Я. Как хочешь, так и понимай. Но ключей твоих у меня нет. Так что давай, вали домой.

Пухов встал со стула, схватил со стола свою бутылку, завинтил пробку и запихал бутылку в карман куртки.

ПУХОВ. Знаете, что...

Пухов растолкал нас и, не оглядываясь, выскочил из квартиры.

Мы помолчали, сидя друг напротив друга.

Я. Ты понимаешь, Саня, что нас с тобой нет?

ПАЛКИН. Догадываюсь.

Я. А ты сегодня ещё и умрёшь.

ПАЛКИН. Ну, раз меня нет, то я давно уже умер.

Я. Логично.

Мы замолчали уже надолго.

ПАЛКИН. Ну что делать будем?

Я. С головой?

ПАЛКИН. Со всем вообще. И с головой в частности.

Я пожал плечами.

Я. Давай у неё спросим.

ПАЛКИН. Давай.

Он встал и посмотрел в лицо лежащей на столе голове.

ПАЛКИН. Ну что, вернуть тебя назад?

Голова закрыла правый глаз.

Я. Выбросить?

Голова закрыла правый глаз.

ПАЛКИН. Ну просто так оставлять тебя здесь точно нельзя.

Голова закрыла оба глаза и притворилась спящей.

В комнату с куском железной трубы ворвался Пухов и с размаху саданул по лежащей на полотенце на столе голове. Голова промялась внутрь, как сдувшийся мяч, чудом державший до этого форму. Пухов замахнулся ещё раз, но Палкин бросился на него, выставив перед собой руки. По этим рукам он и получил трубой. Я схватил отлетевший на пол нож и выставил перед собой, целя на всякий случай в Пухова. Но тот отпихнул от себя заскулившего Палкина и принялся раз за разом дубасить по похожей на разбитый арбуз голове. Я на секунду даже подумал, что это и правда арбуз, но у арбузов не бывает глаз, вылетающих из орбит, и брызжущих во все стороны зубов. Пухов лупил голову и орал.

ПУХОВ. Так нельзя! Так нельзя! Такое не может...

В конце концов от головы остались только ошметки костей, розовые комки и заляпанные кровью стол и полотенце. Пухов остановился, весь перемазанный, с глазами навывкате и где-то присутствующий, но явно не здесь.

ПАЛКИН. Ты мне руку сломал, ты... гной!

ПУХОВ. Ну, вот теперь всё правильно. Никаких фокусов.

Он выронил на пол трубу и вышел из квартиры. Палкин проводил Пухова взглядом, баюкая сломанную руку. Потом посмотрел на меня.

ПАЛКИН. Вот и нет ничего, Костя. Вообще ничего. Одна только боль.

Я ничего не ответил.

9 ноября 2021